Но за этими достаточно скудными материалами «внешнего» общения Крылова и Батюшкова стоит нечто более существенное. Батюшков постоянно намечает «для себя» некий «образ Крылова», как бы пытаясь разобраться в непростых и противоречивых чертах многослойной личности поэта старшего поколения, произведения которого очень ему нравятся. При этом Батюшков как бы старается определить для себя: «делать жизнь с кого»...

Первое из развернутых упоминаний этого ряда находим в письме Батюшкова к Гнедичу от 1 ноября 1809 г. — оно формирует исходное восприятие: «Крылов родился чудаком. Но этот человек — загадка, и великая!.. Играть и не проигрываться. Скупость уметь соединять с дарованиями, и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался... Но я боюсь рассуждать, чтоб опять не завраться» (II, 108).

«Крылов *родился чудаком*...» Понятие «чудак» в представлениях начала XIX в. было многозначным. Здесь и прямое значение: «чудаковатый», смешной человек, непохожий на других. И значение некоего «бытового» вызова окружающему миру: пушкинский Онегин выступает как «опаснейший чудак» (в восприятии соседей) и как «неисправленный чудак», «притворный чудак» (в восприятии автора). И значение, определяющее психологические искания предромантизма: «чудак» как средоточие противоречий «внутреннего человека», осмысляемое не столько бытом, сколько особенностями «устройства» человеческого ума и «сердца», на дне которого «крокодил» (образ из повести Ф. Р. Шатобриана «Рене», трансформированный в стихотворении Батюшкова «Счастливец»).

В пределах этой многозначности Крылов как тип «писателя-чудака» становился в глазах его младшего современника неким эталоном, носителем целого ряда факторов мифологического порядка. Бытовое «чудачество» становилось показателем «перевернутой» биографии (что отмечается в современных биографиях Крылова): «Когда-то, в дни молодости, Иван Андреевич Крылов придумал для себя псевдоним „Нави Волырк". Если прочесть эти слова наоборот, то и получится „Иван Крылов". Таким „человеком наоборот" и прожил свою долгую жизнь баснописец».[2] Отсюда же проистекал и характерный «вызов» окружающему «правильному» обществу, которое «неправильный» гений заставляет смириться со своими «чудачествами». Здесь, наконец, заключалась и сама «загадка»: поиски тех истоков «чудачества», которые делают его характеристическим явлением времени.

«Загадку» эту Батюшков пытается объяснить, отталкиваясь от наиболее «заметного» биографического качества крылов-

---

[2] *Смирнов-Сокольский Н* «Нави Волырк» Библиографическая повесть об Иване Крылове // Смирнов-Сокольский Н Рассказы о книгах 2-е изд М, 1960 С 271